

Ананьева Елена Сергеевна

ОРГАНИЗАЦИЯ КОННОЙ МИЛИЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДА ОТ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ВОЙСК: 1919 Г.

Данная статья посвящена вопросам организации и деятельности конной милиции Северо-Запада России в 1919 г. Автором были выявлены проблемы, с которыми пришлось столкнуться советской власти при создании конной милиции в указанном регионе. Показаны основные направления ее деятельности в чрезвычайных условиях гражданской войны. Полученный материал позволит наиболее полно использовать накопленный конной милицией опыт при воссоздании конных частей по охране порядка в современном мире.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 18-23. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Итак, в ближайшем окружении Бабура было довольно много женщин. Он очень уважительно относился к ним, прислушивался к их мнениям и советам. Это явно заметно в отношениях его со своей бабушкой и ее дочерью, т.е. со своей матерью. С другой стороны, у него нет и намека на комплименты, любовные чувства, страсти и т.п., когда он пишет о своих жёнах. Возможно, Бабур строго придерживался восточной поговорки: «Хороший муж никогда не хвалит свою жену». Если исходить только из материалов «Бабур-наме», то можно сделать вывод, что Бабур был довольно холоден в отношениях не только к своим женам, но и к женщинам вообще, хотя, судя по его стихам, этого не скажешь.

Например:

Я без тебя весь пожелтел, словно осенний листок поблек.

Щеки твои – алый тюльпан, строен и тонок стан – стебелек.

Как ты горда, роза моя, как равнодушна к боли моей!

В прах я упал к милым ногам, словно осенний желтый листок.

В заключении отметим: большинство лирических стихов Бабура посвящены женщинам, любви, их красоте, верности, изменам и т.д. [2].

Список литературы

1. **Бабур З. М.** Записки Бабура (Бабур-наме). Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993. 463 с.
2. **Бабур З. М.** Избранная лирика / пер. с узб.; ред. кол. Ф. А. Абдурахманов и др.; сост. и предисл. С. Хасанова. Ташкент: Изд. ЦК КП Узбекистана, 1982. 126 с.
3. **Гульбадан Бегим.** Хумаюннома / на узбекском языке. Ташкент: Узб. ССР ФА нашриёти, 1959.
4. **Эрскин У.** Бабур в Индии. Ташкент: Чулпан, 1995. 240 с.

ATTITUDE TO WOMEN OF GREAT MOGUL DYNASTY FOUNDER (BY THE MATERIALS OF “BABUR-NAMA”)

Asilbek Alievich Aliev, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Religious Studies and Classical Subjects
Osh State University, Kirghizia
asilbekaliev@rambler.ru

The author reveals the attitude to women of the medieval East outstanding personality Muhammad Babur, pays special attention to various information, characteristics, estimations given by Babur to women from his immediate environment, shows that this material is of some value in our times as it makes serious corrections to common opinions about women of the medieval East, and mentions that on the other hand this information helps to complete the image of Babur as a grandson, son, husband and father.

Key words and phrases: grandmother; mother; wives; daughters; Babur’s attitude to women; Babur about women’s manners.

УДК 94(47)351/354

Исторические науки и археология

Данная статья посвящена вопросам организации и деятельности конной милиции Северо-Запада России в 1919 г. Автором были выявлены проблемы, с которыми пришлось столкнуться советской власти при создании конной милиции в указанном регионе. Показаны основные направления ее деятельности в чрезвычайных условиях гражданской войны. Полученный материал позволит наиболее полно использовать накопленный конной милицией опыт при воссоздании конных частей по охране порядка в современном мире.

Ключевые слова и фразы: конная милиция; организационная структура и деятельность; Северо-Запад России; губерния; уезд.

Елена Сергеевна Ананьева

Кафедра новейшей истории России

Санкт-Петербургский государственный университет

aes35@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ КОННОЙ МИЛИЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДА ОТ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ВОЙСК: 1919 Г. ©

1919 г. оказался тяжелым для России, разделенной на два противоборствующих лагеря: красных и белых. Новое советское государство стремилось утвердить свое влияние на всей территории страны, однако в указанный

период главной его задачей становится вопрос сохранения целостности территории Республики. В марте 1919 г. началось наступление армий адмирала А. В. Колчака на Восточном фронте. Летом главное значение приобретает Южный фронт, где шло стремительное продвижение войск А. И. Деникина вглубь советской России. Весной и осенью 1919 г. войска Н. Н. Юденича развивают свое наступление на Петроградском направлении.

В этих условиях на советские правоохранительные органы легли дополнительные обязанности. Милиция должна была не только заниматься охраной общественного порядка, но и обеспечивать тыл Красной армии, а также непосредственно участвовать в боевых действиях на фронте. Многие милиционеры были призваны в армию, кроме того, мобилизации подвергся и конский состав. Таким образом, в милиции в этот период существовала острая нехватка людей и лошадей.

С мая по декабрь 1919 г. белые армии два раза предпринимали попытку захватить Петроград, но их усилия не увенчались успехом. Весной, в период первого наступления, белогвардейцы в союзе с эстонскими войсками заняли Псков, Ямбург, Лугу, Гдов, одновременно шли бои в Карелии, где белофиннами был оккупирован Олонец. Несмотря на то, что летом войска Н. Н. Юденича были вынуждены отойти от города, осенью началось второе наступление, в ходе которого белые войска приблизились к стенам Петрограда, и бои уже велись на Пулковских высотах. Однако в ходе продолжительных сражений Красная армия смогла потеснить противника и 21 октября перешла в контрнаступление, в ходе которого белые войска отступили на территорию Прибалтики. В декабре 1919 г. Северо-Западный фронт прекратил свое существование. В сентябре английские войска покинули Архангельск.

Совет Народных Комиссаров РСФСР 3 апреля 1919 г. утвердил Декрет «О советской рабоче-крестьянской милиции» [13], в соответствии с которым в милиции вводилась военная дисциплина и обязательное обучение военному делу. Он определил порядок привлечения отрядов милиции к участию в боевых действиях на фронтах гражданской войны.

В течение 1919 г. сотрудники правоохранительных органов Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Петроградской, Псковской, Северо-Двинской и Череповецкой губерний неоднократно принимали участие в боевых действиях на фронтах гражданской войны в составе отдельных отрядов и батальонов.

К февралю 1919 г. на территории Псковской губернии сложилась следующая ситуация с организацией правоохранительных органов: в губернском городе предполагалось иметь 55 конных милиционеров и 224 пеших, в других городах губернии – 85 и 224 соответственно. Количество волостных милиционеров определялось из расчета по 3 милиционера на волость (1 конный и 2 пеших). Следовательно, в 140 волостях губернии обеспечивали порядок 140 всадников и 280 пеших милиционеров. Общее количество сотрудников милиции в губернии с этого времени составило 1008 человек (280 конных и 728 пеших) [20, д. 294, л. 26–27].

Дважды в течение 1919 г. года через территорию Псковской губернии проходили белогвардейские войска, наступавшие на Петроград (весна-лето и осень 1919 г.). В этих условиях строительство конной милиции губернии замедлилось, так как почти все конные милиционеры и лошади были мобилизованы на фронт. Весь конный отряд Великолукской милиции был направлен в Красную Армию [1, с. 55], а конный резерв города Пскова вместо 21 человека состоял из 11 всадников [4, д. 435, л. 702 об.]. Кроме того, в соответствии с приказом Совета Рабоче-Крестьянской Обороны во всех гражданских учреждениях и у частных лиц изымались верховые седла. Их покупка, и продажа запрещались под угрозой предания суду [6], поэтому у милиции возникли трудности с приобретением конской амуниции.

После издания Декрета СНК «О советской рабоче-крестьянской милиции» Управление губернской Псковской милиции для концентрации наиболее мобильных сил милиции (конных отрядов) приняло решение упразднить всех конных милиционеров в волостях и сосредоточить по 2 конных милиционера при районных начальниках, а остальных сконцентрировать при уездных управлениях милиции [5, д. 12, л. 17].

Череповецкая губернская милиция весной 1919 г. насчитывала 572 милиционера, из которых почти 21,7% (124 человека) приходились на долю конных сотрудников [20, д. 298, л. 41]. Милиционеры-кавалеристы были сосредоточены главным образом в городах, образуя мобильные резервы. Такое положение, скорее всего, связано со стремлением губернских властей сконцентрировать силы быстрого реагирования при уездных управлениях милиции в условиях наступления белогвардейских войск. С 5 мая 1919 г., на основании постановления Совета Обороны, г. Череповец был объявлен на осадном положении [Там же, д. 283, л. 46].

Конная милиция Петроградской губернии состояла из 182 человек [Там же, д. 298, л. 44]. Первоначально планировалось набрать 222 конных дружинника, но тяжелое экономическое положение губернии и нависшая военная опасность не позволили закончить комплектование конной охраны в такие сжатые сроки. Основная часть всадников была сосредоточена в условиях военной опасности при уездных управлениях милиции в городах: Гдове, Луге Новой Ладог, Ямбурге, Петергофе, Ораниенбауме, Шлиссельбурге, Царском Селе, Гатчине, Павловске, Колпино и Красном Селе [17, д. 23, л. 1]. В каждом из которых имелся конный отряд в количестве от 10 до 20 всадников.

Архангельское губернское управление милиции было организовано 28 января 1919 г. По мере освобождения территории от белогвардейских войск и интервентов, части Красной армии, обеспечивающие порядок на местах, ушли вслед за отступающим противником. В волостях, свободных от неприятеля (65 волостей), приступили к формированию правоохранительных структур. Освобожденная территория губернии обслуживалась штатом в 200 милиционеров.

Процесс организации конной милиции столкнулся с большими трудностями. Приобрести лошадей на местах было невозможно, так как все население занималось обслуживанием военных нужд, предоставляя

лошадей для транспорта. В связи с отсутствием других работ данный вид деятельности приносил основной доход местным жителям. Кроме того, существовала проблема обеспечения конского состава фуражом.

Только в двух уездах Архангельской губернии имелись конные милиционеры: в Шенкурском – 15 и Онежском – 5. На балансе Губмилиции никаких лошадей не числилось, все они являлись личной собственностью всадников, а советская власть оплачивала их аренду владельцам [20, д. 289, л. 26–27]. В случае необходимости милиция могла привлечь для своих нужд крестьянских «очередных» коней, оплата в этом случае составляла 18 руб. в сутки [Там же, л. 41 об.].

Практика использования лошадей местного населения для нужд милиции часто применялась в губерниях Севера-Запада России, а в случае отсутствия места для содержания коней могли ставить их на постой во дворах крестьян.

В течение 1919 г. разные уезды Олонецкой губернии оказывались оккупированными белогвардейскими войсками, поэтому работа по созданию советской милиции на ее территории периодически совсем останавливалась. 28–29 апреля 1919 г. в Карелии был проведен Съезд сотрудников милиции, который рассмотрел вопросы, связанные с координацией ее деятельности на территории губернии [15, с. 137].

Создание конной милиции в Карелии столкнулось с серьезной проблемой: невозможностью найти лошадей. Это было связано с тем, что красноармейские части в условиях военной суматохи самовольно забирали коней у граждан, а белые войска при отступлении угоняли лучших лошадей и телеги [8, д. 20, л. 6 – 8 об.]. Таким образом, при организации конной милиции из расчета 1 всадник на волость приходилось использовать лошадей местного населения.

Летом 1919 г. численность всей милиции Олонецкой губернии составила 430 человек, в том числе 31 всадник (7,3% от общего количества). Они располагались в трех уездах: Вытегорском, Олонецком и Повенецком. При Управлении милиции находились 6 лошадей, которые являлись ее собственностью [Там же, д. 77, л. 200–205].

В феврале 1919 г. личный состав милиции Северо-Двинской губернии включал 472 человека, причем в городах, уездах и волостях конной милиции не было [20, д. 291, л. 45 об.]. В декабре 1918 г. Губисполком предлагал создать конный резерв из 12 всадников для Великого Устюга, а охрану остальной территории губернии – обеспечивать исключительно пешей милиции. Объяснялась данная позиция тем, что «за малонаселенностью необходимость в организации конных отрядов не встречается» [Там же, л. 3–4]. Однако в февральском отчете о деятельности милиции было внесено предложение о необходимости создания конных отрядов в каждом уездном городе. Такое резкое изменение подхода к указанной проблеме было связано, прежде всего, с участвовавшими контрреволюционными выступлениями, которые произошли в данный период на территории губернии. Кроме того, часть Яренского и Сольвычегодского уездов, прилегающих к Архангельской области, были заняты белогвардейцами. Следовательно, появилась потребность в силах быстрого реагирования, которые можно было оперативно перебрасывать из одной части губернии в другую.

Создание Новгородской конной милиции в указанный период встретило большие затруднения, так как, несмотря на все требования и приказы, власти не смогли создать в губернии четкую организационную структуру. Потребности в 148 лошадях и всадниках на всю губернию в условиях военного времени оказались невыполнимы. В 1919 г. весь личный состав милиции насчитывал 395 человек, в том числе 12 всадников и 9 лошадей [Там же, д. 292, л. 24, 79]. Конные милиционеры находились в Валдайском, Маловишерском и Старорусском уездах. Из них были сформированы оперативные резервы при начальниках милиций. К концу года в Новгороде также был организован конный отряд из 10 всадников [3, д. 31, л. 138].

Несмотря на то, что на территории Вологодской губернии в данный период непосредственно не велись боевые действия, ситуация с комплектованием правоохранительных органов лошадьми оказалась сложной. Это было связано с постоянными мобилизациями конского состава для нужд фронта. К началу 1919 г. общее количество сотрудников милиции на данной территории было 1076 человек [2, д. 17, л. 22 об.].

В Вельском уезде находились 15 конных милиционеров, на которых приходилась одна лошадь. На покупку недостающих лошадей и приобретение сбруи выделили около 500 000 руб. [Там же, д. 58, л. 29 – 29 об.].

При управлении Грязовецкой уездмилиции был расквартирован конный резерв, состоящий из 15 всадников, кроме того, в каждой из 12 волостей уезда имелся один старший конный милиционер. Для обеспечения потребностей милиции в конском поголовье требовалось закупить 19 лошадей [Там же, л. 6 – 6 об.].

На территории Кадниковского уезда было 55 милиционеров-кавалеристов, причем управление милиции просило денег только на содержание конского состава, а не на его закупку [Там же, л. 77].

В Вологде находился губернский конный резерв, который состоял из 15–19 всадников.

Вследствие недостаточного количества финансовых средств, выделяемых для приобретения лошадей, правоохранительные органы часто прибегали к незаконному изъятию у местных жителей коней. Поэтому Мобилизационное Управление Всероссийского главного штаба периодически строго напоминало о недопустимости самовольной реквизиции милицией лошадей у населения. Конское поголовье, незаконно мобилизованное, подлежало немедленному возврату владельцам. Милиция могла производить закупку лошадей у населения без применения принудительных мер по ценам, установленным Военно-окружными совещаниями. Весь конский состав, который приобретался по завышенным ценам, подлежал конфискации [Там же, д. 44, л. 51 об.]. Так, в июне 1919 г. у агента Губернского продовольственного комитета Шумляева отобрана лошадь, купленная им по завышенной цене. В результате чего Шумляев был отправлен на общественные работы, а лошадь передана в конный отряд Вологодской милиции [Там же, д. 17, л. 384].

При формировании конной милиции на Северо-Западе России советская власть, помимо проблемы, связанной с отсутствием лошадей, столкнулась с проблемой обеспечения ее необходимым вооружением и снаряжением.

Так, в феврале 1919 г. в Петроградской губернии были районы, где на 7 милиционеров приходилась 1 берданка без патронов или шашка, случайно приобретенная заведующим отделом [20, д. 298, л. 37 – 37 об.]. В этот период милиция имела на вооружении винтовки различных иностранных систем, количество которых было недостаточным, а качество оставляло желать лучшего.

На всех милиционеров Олонецкой губернии приходилось 248 винтовок, 102 револьвера и 162 шашки [8, д. 20, л. 30]. В Череповецкой губернии до полного комплекта вооружения требовалось: 266 винтовок, 502 револьвера и 441 шашка [20, д. 288, л. 14]. Архангельская Губмилиция просила прислать до комплекта 100 револьверов, 100 шашек и 5 пулеметов [Там же, д. 289, л. 35]. Милиционеры Северо-Двинской губернии имели на весь личный состав 238 винтовок, 316 револьверов и 178 шашек [Там же, л. 42 об.]. Вооружение новгородской милиции состояло из 287 винтовок, 193 револьверов и 238 шашек [Там же, л. 40]. Похожая ситуация с наличием огнестрельного и холодного оружия сложилась и в других губерниях.

К сожалению, сведения о строительстве конной милиции за указанный период отрывочны. Такое положение может быть связано с тем, что в некоторых губерниях отчетность совсем не велась, а приказы отдавались устно и нигде не фиксировались. Например, в Череповецкой губернии в это время полностью отсутствовало бумажное делопроизводство [Там же, д. 288, л. 36 об.].

Сведения о создании и деятельности конной милиции Петрограда в 1919 г. сохранились в наиболее полном виде, чем на остальной территории Северо-Запада России. Объясняется это тем, что Петроград являлся центром областного образования, включающего 8 губерний. В нем были сосредоточены все руководящие органы Союза Коммун Северной области: ЦИК, Совет Комиссаров и все комиссариаты, поэтому делопроизводство в центре было налажено лучше, чем на местах. Кроме того, существовали более благоприятные условия для сохранности документов, поскольку часто не только уездные города, но и губернские центры оказывались захваченными неприятелем.

Военная опасность со стороны белых армий и интервентов, а также мобилизация части милиционеров на фронт привели к росту преступности, активизации незаконной уличной торговли и спекуляции. В начале 1919 г. участились нападения на кассиров предприятий, перевозящих крупные денежные суммы. Только за февраль и март 1919 г. было совершено 27 налетов [7, с. 109]. Из-за «отсутствия горючей смеси для автомобилей» городская милиция лишилась возможности использовать свой автотранспорт [18, д. 3, л. 40]. Такое положение осложняло выполнение задач по охране общественного порядка и снизило мобильность милиции. Перед правоохранительными структурами встала проблема повышения маневренности и оперативности деятельности милиции. Поэтому власти Петрограда обращают особое внимание на конную милицию. К началу 1919 г. вся конная милиция Петрограда насчитывала 138 человек.

Несмотря на свою малочисленность, Конный отряд выполнял важные функции по поддержанию общественного порядка и безопасности в городе. Конная милиция боролась с бандитизмом, участвовала в облавах против незаконной торговли, осуществляла патрулирование улиц города в дневное и ночное время, наблюдала за охраной особо важных объектов. Для выполнения этих задач требовалась большая мобильность и быстрота передвижения. Так как к этому времени городская милиция лишилась своего автотранспорта, то основная нагрузка легла на лошадей.

Власти Петрограда следили за снабжением милиции лошадьми и необходимым количеством овса и сена. Были установлены относительно высокие нормы кормов. Например, в феврале–марте 1919 г. норма дневного фуражного довольствия на 1 строевую лошадь составила 12 фунтов зерна (1 фунт = 0, 409 кг) и 30 фунтов сена. На обозную лошадь – 27 фунтов зерна и 40 фунтов сена [Там же, л. 351–352]. Следует отметить, что в 1917 г. конский состав городской милиции обеспечивался из расчета 10 фунтов овса и сена на 1 строевую лошадь [19, д. 289, л. 122]. Таким образом, советская администрация уделяла большое внимание сохранности конского поголовья.

3 мая 1919 г. началось наступление белых войск на Петроград, город был объявлен на осадном положении. Городская милиция перешла к усиленному режиму несения службы. Комитет обороны Петрограда в мае объявил экстренную мобилизацию лошадей города, принадлежащих частным лицам. Шесть городских районов должны были предоставить к 4 мая 300 верховых, 200 артиллерийских легких и 800 обозных лошадей [21, д. 26, л. 176а].

Кроме охраны общественного порядка, конная милиция осуществляла прием и размещение бесхозных лошадей. Все начальники участков были обязаны направлять в отряд лошадей, найденных на улице без владельцев. В сопроводительной записке указывались пол, масть и приметы коня. Если хозяин приходил, то ему возвращали животное, если нет, то лошадь считалась прикомандированной к отряду [17, д. 786, л. 1–16]. Таким способом командование отряда на какое-то время решало для себя проблему с нехваткой конского состава.

В Конном отряде с этого времени стали проводить регулярные практические занятия. Они проходили четыре раза в неделю по 1,5 часа каждое. Программа занятий включала в себя маневренную и строевую езду, обучение пешему строю и владению холодным и огнестрельным оружием [16, д. 60, л. 5 – 5 об.].

В сентябре началось новое наступление белых войск на Петроград. Милиция города перешла на усиленный режим несения службы. 15 октября в Петрограде было введено осадное положение [10]. Особо важные стратегические объекты города охранялись военными караулами и заставами, выставляемыми милицией. Кроме того, она регулярно устраивала облавы и проверки на главных рынках города. Целью этих мероприятий было

задержание дезертиров, лиц, торгующих нормированными продуктами, выявление уголовных элементов и т.д. Главная роль при облавах отводилась конной милиции как наиболее оперативному подразделению.

Однако в связи с военной мобилизацией происходит постоянное сокращение личного состава правоохранительных органов Петрограда. Так, с августа по ноябрь 1919 г. численность сотрудников внутренних дел сократилась с 4 500 до 3 886 человек [16, д. 53. л. 1–4].

В октябре началась мобилизация лошадей города для пополнения конского состава 7 армии, которая вела оборонительные бои на подступах к Петрограду. Лошади, признанные годными для службы в войсках, подлежали платной реквизиции. Лица, отказывающиеся предоставить свою лошадь, подлежали суду по законам осадного положения [11].

В соответствии с приказом Совета Рабоче-Крестьянской Обороны во всех гражданских учреждениях и у частных лиц изымались верховые седла. Их покупка и продажа запрещались под угрозой предания суду [6].

Военный Совет (Комитет Обороны) города принял решение сформировать на базе конной милиции Партизанский конный отряд для отправки его в действующую армию [21, д. 26, л. 54]. 7 октября Петроградская правда опубликовала объявление о наборе добровольцев-кавалеристов во вновь формируемое подразделение [9].

Находясь на фронте в ночь с 25 на 26 октября 1919 г. Конный отряд вместе со Сводно-боевым отрядом милиции вытеснили прорвавшихся в районе станции Грузино белофиннов за границу с Финляндией. Об этом случае было объявлено в приказе по Петроградской губернской милиции [12, с. 10].

В результате мобилизации людей и лошадей конная милиция фактически прекратила свое существование.

После отступления войск Юденича от Петрограда встал вопрос о возрождении конного отряда. Управление Гормилиции затребовало от Петросовета возвращения всех мобилизованных лошадей. Мотивируя свою просьбу тем, что бороться с уличной торговлей пешими силами невозможно. Кроме того, конная милиция эффективно применялась для борьбы с бандитизмом и уголовной преступностью, которая приобрела в этот период огромные размеры [16, д. 73, л. 136]. Несмотря на многочисленные просьбы губмилиции, процесс возрождения Конного отряда затянулся. Такая ситуация была связана прежде всего с катастрофической нехваткой лошадей в городе. К декабрю 1919 г в Петрограде осталось 7120 лошадей. Для обеспечения потребностей города в тягловой силе необходимо было иметь 20 тысяч голов [21, д. 10, л. 135]. Поэтому «ввиду исчерпания в Петроградской губернии ресурсов в смысле приобретения лошадей» власти Петрограда предложили послать в Сибирь специальную комиссию по закупке конского состава [Там же, л. 115]. Тем не менее, проблему обеспечения милиции конским поголовьем не удавалось решить еще долгое время. Например, в октябре 1923 г. комплект лошадей в милиции РСФСР составил 54% [14, с. 127].

Таким образом, в 1919 г. отдельные территории Северо-Запада России периодически были заняты белогвардейскими войсками и интервентами, что негативно сказалось на деятельности правоохранительных органов. В соответствии с Декретом СНК «О советской рабоче-крестьянской милиции», утвержденном 3 апреля 1919 г., из сотрудников правоохранительных структур формировались отряды, которые направлялись на фронт для участия в боевых действиях. Многие милиционеры были мобилизованы по военной повинности. Почти весь конский состав, годный для несения службы, и конское снаряжение были реквизированы у местного населения военными комиссариатами, часть лошадей угнаны отступающими белыми войсками, что тормозило процесс организации конной милиции. Тем не менее, в данный период на территории Северо-Запада России были предприняты первые шаги по созданию конной милиции, которые послужили основой для ее дальнейшего формирования в указанном регионе.

Список литературы

1. Белоков Д. А. Милиция Псковской губернии (1917–1927 гг.). Великие Луки, 2004. 186 с.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 54. Оп. 1.
3. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. Р-1579. Оп. 1.
4. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-590. Оп. 1.
5. ГАПО. Ф. Р-635. Оп. 1.
6. Известия. 1919. 5 октября.
7. Мусаев В. И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 206 с.
8. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. Р-99. Оп. 1.
9. Петроградская правда. 1919. 7 октября.
10. Петроградская правда. 1919. 15 октября.
11. Петроградская правда. 1919. 23 октября.
12. Роккан П. Очерки истории питерской милиции // Красный милиционер. 1921. № 2–3. С. 7–13.
13. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М.: Народный комиссариат юстиции, 1919. № 13. Ст. 133.
14. Троицкая. Краткий обзор деятельности НКВД за 1923 год // Власть Советов. 1923. № 11–12. С. 124–144.
15. Узун О. Л. Организация милиции в приграничных территориях Северо-Запада России в период гражданской войны: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 182 с.
16. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 33. Оп. 1.
17. ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 2.
18. ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 2.
19. ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1.
20. ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8.
21. ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1.

ORGANIZATION OF HORSED POLICE WITHIN NORTH-WEST OF RUSSIA UNDER CONDITIONS OF CIVIL WAR AND PETROGRAD DEFENCE AGAINST WHITE GUARD FORCES: 1919

Elena Sergeevna Anan'eva

Department of Russian Contemporary History

St. Petersburg State University

aes35@yandex.ru

The author discusses the organization and activity of horsed police within the North-West of Russia in 1919, reveals the problems, with which soviet power faced while creating horsed police in that region, shows the basic directions of its activity under the extreme conditions of the civil war, and substantiates that the derived material allows using the accumulated experience of horsed police more completely in the reconstruction of horsed law enforcement units in the modern world.

Key words and phrases: horsed police; organizational structure and activity; North-West of Russia; province; district.

УДК 008

Культурология

В статье осуществляется постановка проблемы бинарной природы фольклора, непосредственно связанной с утилитарной сущностью народной культуры и по-разному проявлявшейся в неписьменном информационном пространстве деревенской среды. Внимание уделяется «плану выражения» и «плану содержания» фольклора как механизма накопления и трансляции социально значимой информации, конструирующей необходимую социуму социокультурную реальность.

Ключевые слова и фразы: бинарная природа фольклора; неписьменное информационное пространство деревенской среды; утилитарная сущность народной культуры; «план выражения» и «план содержания» фольклора; конструирование социокультурной реальности.

Елена Леонидовна Антонова, к. филос. н.

Кафедра теории и истории культуры

Белгородский государственный институт искусств и культуры

E-pi-fan@yandex.ru

БИНАРНАЯ ПРИРОДА ФОЛЬКЛОРА©

В конце XX столетия зарождается новая тенденция в изучении фольклора, связанная с переходом от описательности к теоретическому рассмотрению его как социокультурного феномена. Только при этом условии становится возможным культурологическое осмысление *сущности* и *природы* фольклора. Зарождение этой тенденции связано с именами К. В. Чистова, Б. Н. Путилова и В. Е. Гусева. Именно их стараниями происходит не просто расширение предметного поля фольклористики: с появлением понятий «вербальный фольклор», «вербальная культура народа» и «народная художественная культура» начинается культурологическое измерение фольклора. И это несмотря на то, что при его изучении специалисты продолжают сталкиваться с «этнографией», с которой напрямую связано понятие «фольклор». Введение его в научный оборот потребовало качественно иного подхода к изучению «народной поэтики», лежащей в «плане выражения» изучаемого феномена: само истолкование фольклора как «народного знания», «народной мудрости» давало «языковому» материалу *другое измерение*.

Поскольку, как носитель информации о традиционном укладе жизни и деятельности, фольклор задавал параметры социального поведения и общения, то при его изучении мы сталкиваемся не только с «художественным» текстом («план выражения»), но и с «культурным порядком» («план содержания»), называемым «культурной традицией», которая, с одной стороны, оперирует готовыми – формальными – схемами жизненных ситуаций, напрямую заимствованными из мифологии, с другой – включает в себя конкретные модели поведения и общения, «обращенные к сложным комплексам народных представлений, которые существуют латентно и не всегда выступают на уровне сознания, являясь достоянием подсознательного и бессознательного» [5, с. 9]. Этот факт позволяет рассматривать фольклор сквозь призму бинарности, «скрытой» в его «плане выражения» и «плане содержания».

Если признать, что по своей сути народная культура – это среда бытования и сохранения смысло-жизненных ценностей, интуитивного и практического знания как компонентов «культурной традиции», то в «плане выражения» фольклор осуществляет в народной неписьменной среде функцию «языкового» и «программного» обеспечения¹, а в «плане содержания» он выступает «методологическим» основанием рациональной

© Антонова Е. Л., 2012

¹ Фольклор дает нам представление об *обычном* (от слова «обычай») *праве* (о том, что можно, что категорически запрещено и что наказуемо), в корне отличавшемся от формального права – «закона». Поэтому, если в народной культуре мы имеем дело с правилами кодифицированного поведения и общения как *традиционной «программой-нормой»*, транслируемой фольклорными «текстами», то в городской культуре – с *нормой правовой*.